

Документальные очерки

И. Р. ЛАВРЕЦКИЙ

ТОВАРИЩ ПРЕЗИДЕНТ ЖИЗНЬ И ГИБЕЛЬ САЛЬВАДОРА АЛЬЕНДЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

«Мы склоняем головы перед светлой памятью героически павшего Президента Республики Чили, лауреата международной Ленинской премии за укрепление мира между народами Сальвадора Альянде. Он был одной из самых чистых и благородных фигур современной политической жизни, был до конца предан делу народа и отдал за него свою жизнь. Его подвиг будет вдохновлять трудящихся Чили и многих других стран на новые славные дела в борьбе за свободу, мир и прогресс».

Л. И. Брежнев. Речь на митинге трудящихся Софии 19 сентября 1973 г.—«Правда», 20 сентября 1973 г.

«Вечная слава достойному революционеру, сумевшему отдать жизнь за свои идеи, преданному и героическому другу, которого мы никогда не забудем».

Фидель Кастро. Запись в траурной книге посольства Чили.—«Гранма», 20 сентября 1973 г.

«Мрачные дни уйдут в прошлое, но навсегда в историю нашей страны и в историю всей Латинской Америки войдет светлый образ Альянде, президента, который бросил вызов империализму и олигархии и пал в бою, как герой».

Обращение Коммунистической партии Чили «К чилийскому народу» 11 октября 1973 г.—«Правда», 15 октября 1973 г.

Часть первая

СТАНОВЛЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРА ПОЕЗДКА В САНТЬЯГО...

Сентябрь — зимнее время в Чили. В то сентябрьское воскресенье утром 1916 г. погода выдалась прохладной, даже морозной. С востока, со стороны Анд, дул ледяной ветер, гоняя по улицам и площадям столицы стайки пожухлых листьев вперемешку с песком и пылью, которых всегда предостаточно в Сантьяго. Но зато высоко в небе

ярко светило солнце. Его лучи плясали на медном национальном гербе, пылавшем над воротами президентского дворца «Ла-Монеда», на зеркальной глади реки Мапочо, рассекающей город на две половины, на позолоте соборов и столь же щедро ласкали жалкие лачуги бедняков в «грибных» поселках, теснивших столицу со всех сторон.

В доме алькальда (мэра) столицы дона Рамона Альенде Кастро на авениде Эспанья царило оживление. В пятницу к нему приехал погостить его брат дон Сальвадор с женой доньей Лаурой Госсенс Урибе и четырьмя детьми. Гости прибыли из Такны, лежащей на севере, у самой перуанской границы. Этот город был занят чилийцами во время Тихоокеанской войны 1879—1883 гг., когда Чили воевала с Перу и Боливией; впоследствии он будет возвращен Перу. В Такне дон Сальвадор Альенде Кастро имел адвокатскую и нотариальную контору.

Еще накануне дон Сальвадор договорился с женой, как они проведут воскресенье. Донья Лаура выразила желание пойти с дочерьми на праздничную мессу в кафедральный собор, а дон Сальвадор решил повести сыновей — Альфредо и Сальвадора-младшего, или Чичо, как его ласково называли дома — знакомиться с достопримечательностями столицы. Их вызвался сопровождать сам дон Рамон.

Хотя предки доньи Лауры и происходили из Франции, родины Вольтера и Робеспьера, сама она, воспитанная в католическом духе, отличалась набожностью и строго выполняла все церковные предписания. В противоположность ей дон Сальвадор был убежденным свободомыслящим и масоном, членом ложи «Справедливость и свобода», которую некогда возглавлял его отец, известный в Чили врач Рамон Альенде Падин. В те времена масонские ложи в Чили играли роль прогрессивных клубов, объединявших антиклерикальных и радикально настроенных деятелей из среды интеллигенции. Многие в Чили становились масонами по семейной традиции, следуя примеру отца или деда. Так стали масонами дети дона Рамона, а затем и дети дона Сальвадора — Чичо и Альфредо.

Справедливо было бы спросить, почему доктор Альенде Падин, будучи масоном и антиклерикалом, нарек своего сына Сальвадором, что в переводе означает Спаситель, сионизм Иисуса Христа — имя, которое потом получил по наследству и Чичо, родившийся 26 июня 1908 г. Виной тому была супруга дона Рамона, как и мать Чичо, ревностная католичка. Это она настояла на имени, традиционном в ее семье. А дон Рамон, хоть и был масоном 33-й степени, т. е. высшего чина, и грозой католической церкви, дома во всем уступал жене, ибо любил и уважал ее беспредельно. Столь же прекрасно ладили между собой антиклерикал и масон дон Сальвадор и верующая донья Лаура. Девочки находились под духовной опекой матери, мальчики росли, следуя примеру отца, безбожниками.

— С чего же мы начнем? — спросил мужчин дон Сальвадор.

— Пойдемте на проспект Бернардо О'Хиггинса, — предложил дон Рамон. — Посмотрим «Ла-Монеду», зайдем ко мне в муниципалитет, потом заглянем в палату депутатов.

Вскоре все четверо зашагали к центру. На улицах многие здоровались с доном Рамоном. Мэр был весьма популярным человеком в столице, в особенности его авторитет возрос после того, как он лишил английскую компанию «Чилиан Электрик Трамайс», не уплатившую муниципалитету 400 тыс. песо налога, концессии на мещение улиц.

— Эти англичане совсем обнаглели, — рассказывал дон Рамон брату. — Они ведут себя у нас точно в африканской колонии, не стесняясь, обманывают и обсчитывают нас. Но бороться с англичанами трудно. Их ведь поддерживают пелуконы¹. Сперва они вздыхали по колониальным порядкам, а теперь готовы превратиться в английских слуг, лишь бы сохранить свои привилегии. Но если позволить им это, то положение наших рото² как было, так и останется беспросветным. А тогда нам не избежать революции. Наши рото подобно санкюлотам во время Французской революции восстанут в один прекрасный день и вместе с пелуконами прирежут и нас с тобой.

¹ Пелуконы, от испанского «пелука» — парик, головной убор испанских колониальных чиновников. Пелуконы — реакционеры, выступавшие против демократических порядков и за предоставление иностранному капиталу различных льгот.

² Рото — оборванец, босяк; так называли в Чили бедняков, трудящихся, ходивших в опорках и лохмотьях.

— Неужели ты думаешь, что это возможно? — вздрогнул дон Сальвадор.

— Я абсолютно уверен. Ты считаешь, что народ вечно будет сносить нужду, жить в конурах, недоедать, дохнуть от болезней? Такая жизнь приведет в отчаяние даже ангелов. К тому же у них есть свои вожди, например, сеньор Рекабаррен, социалист, депутат парламента. Его «Будильник трудящихся»³ позаботится, чтобы пробудить рото к борьбе. А наши власти знают только одно средство бороться с нищетой: палить из ружей по забастовщикам, сажать в тюрьмы социалистов, преследовать их.

Оба старших и оба младших Альенде прошли большой парк — Кинту Нормаль и через проспект Бернардо О'Хиггинаса вышли на площадь Бульнес, расположенную у восточного фасада президентского дворца «Ла-Монеда». На площади справа, рядом с большим серым зданием военного министерства высилась бронзовая статуя на гранитном постаменте — Бернардо О'Хиггинаса, отца нации и основателя чилийского государства, а слева — таких же внушительных размеров памятник его соратнику по борьбе с испанскими колонизаторами аргентинскому полководцу Хосе Сан-Мартину. Дон Сальвадор счел нужным повторить детям историю об участии их прадеда и его двух братьев в войне за независимость Чили.

— Помните, дети мои, и передайте вашим детям, что в войне против испанского владычества в течение 10 лет сражались за дело независимости ваш прадед дон Рамон Альенде Гарсес и его два брата Хосе-Мария и Грегорио. Последний командовал эскадроном личной охраны генерала О'Хиггинаса, и, когда в 1823 г. тот был вынужден откаться от власти и покинуть столицу, Грегорио сопровождал его в изгнание. А дон Рамон и дон Хосе-Мария воевали в знаменитом партизанском отряде Мануэля Родригеса «Гусары смерти» и отличались редкой храбростью. «Гусары смерти» действовали на границе с Аргентиной: они помогли армии генерала Сан-Мартина незамеченной перейти Анды и вместе с О'Хиггинсом разбить войска испанцев. А теперь пойдем к президентскому дворцу.

«Ла-Монеда» — квадратное двухэтажное массивное здание — охватывает целый квартал. В крыле, что выходит на площадь Бульнес, помещается министерство иностранных дел, в левом крыле — министерство внутренних дел. Президент же занимает крыло, выходящее на площадь Конституции. С площади Бульнес на площадь Конституции можно пройти через «Ла-Монеду» двориками. По традиции проход для населения свободен. Президент имеет свой вход с улицы Моранде, ведущий прямо на второй этаж, где размещены его покой.

В те годы президентский дворец не был окружен, как теперь, высотными зданиями, которые своей громадой как бы подавляют и призывают его. Тогда «Ла-Монеда» была самым большим в столице сооружением и поэтому казалась огромной. Президентская гвардия в красочных — времен войны за независимость — мундирах, с ружьями на плече и плюмажах, сторожившая дворцовые ворота, чилийский национальный флаг, развивающийся на крыше, строгая классическая внешность самого здания, серый цвет его окраски — все это придавало «Ла-Монеде» какую-то особую торжественность, парадность и строгость.

Дежуривший у дворцовых ворот капитан президентской гвардии, выслушав мэра, учтиво предложил его гостям осмотреть дворец. Но тут случилось неожиданное. Восьмилетний Чико, вцепившись в руку отца, решительно отказался двинуться с места. Возможно, мальчика смущил суровый вид гвардейцев, или ему вдруг почудилось за этими воротами что-то страшное, но Чико заявил отцу: «Я не хочу в «Ла-Монеду». Взрослые добродушно рассмеялись.

— Ты единственный из чилийцев, который на приглашение войти в «Ла-Монеду» отвечает отказом, — сказал дядя Рамон. — Итак, ты не желаешь стать президентом, Чико?

— Нет! — чуть не закричал мальчик. Но затем все же решительно шагнул в ворота.

— Дворец построен знаменитым итальянским архитектором Джоакино Тоеской, — давал объяснения гостям офицер. — Он строил дворец 25 лет и закончил его только в 1805 г. Здание предназначалось для монетного двора, отсюда его название «Ла-Мо-

³ «Despertador de los trabajadores» — газета, которую основал в г. Икике в 1901 г. Луис Эмилио Рекабаррен Серрано (1876—1924), один из зачинателей социалистического движения и основателей Коммунистической партии Чили.

неда», которое осталось за ним, когда оно в 1846 г. было превращено в президентский дворец.— На втором этаже офицер продолжал:

— Налево от нас — личные покой президента: его кабинет, помещение секретарей, зал «Булл», где он обедает в кругу приближенных. Эта дверь ведет на балкон, выходящий на площадь Конституции. Ею пользоваться имеет право только президент. С балкона он обращается в дни национальных праздников и больших политических событий к народу.

Показав «Красный зал», «зал Тоески», капитан провел гостей вниз, затем, через массивные ворота,— на площадь Конституции. В муниципалитете, двухэтажном небольшом здании, расположенному неподалеку от «Ла-Монеды», дон Рамон показал племянникам свой кабинет, стены которого были украшены старинными картами и гравюрами.

— А вот это,— сказал он, указывая на грамоту, украденную разными печатями и витиеватыми подписями и вставленную под стекло в золоченую рамку,— президентский декрет о назначении вашего деда Рамона Альянде Падина начальником санитарной службы чилийской армии во время Тихоокеанской войны. Когда началась война, 14 февраля 1879 г., ваш дедушка был депутатом парламента. Он отказался от депутатского мандата и ушел добровольцем на фронт. Потом он был назначен начальником санитарной службы армии, но, как сказано в президентском декрете, «без права на получение жалованья», т. е. он выполнял свои обязанности совершенно безвозмездно. К чему это привело, можно судить по тому, что после окончания войны он оказался без каких-либо средств к существованию и был вынужден принять заем, предложенный масонской ложей, чтобы прокормить свою большую семью.

Рамон Альянде Падин в течение восьми лет представлял в палате депутатов, а затем четыре года в сенате радикальную партию. Дедушку Рамона за его радикальные взгляды и потому, что он был огненно-рыжий, называли «Красный Альянде». Он был заядлым антиклерикалом, выступал за отделение церкви от государства, за секуляризацию кладбищ и актов гражданского состояния, за светскую школу. Попы отлучили дона Рамона от церкви и предали анафеме, но это его мало беспокоило. Он выступал перед рабочими, простым людом, доказывая свою правоту, защищая свои идеалы. С этой же целью он издавал газеты «Путеводитель для народа» и «Долг», наконец организовал первую в Чили светскую школу «Блас Куэвас» (был такой известный в Чили просветитель в начале XIX в., которого преследовали церковники).

Но «Красный Альянде» был не только передовым для своего века общественным деятелем, он был известным врачом, первым в Чили обратившим внимание на социальные аспекты медицины, на связь эпидемий и смертности с бедственным положением людей труда и вытекающими из этого антисанитарными условиями их жизни.

... Только к вечеру Чико и Альфредо с отцом и дядей вернулись в дом дона Рамона, переполненные впечатлениями.

ПО СТОПАМ «КРАСНОГО АЛЬЯНДЕ»

Семья Альянде занимала в Такне дом с хозяйственными пристройками и большим двором, по соседству с армейскими казармами: в городе был расквартирован большой гарнизон. На полковом плацу весь день шли войковые учения. Дети дона Сальвадора, в особенности Чико, обожали верховую езду. Отец специально для них держал лошадей. Когда Чико садился в седло, он мог наблюдать через забор казарменную жизнь, марширующих солдат. Его привлекал блеск начищенных ружей, грозный вид пушек, сложность пулеметов. Может быть, именно в эти годы зародилась в нем страсть к огнестрельному оружию, которую он сохранил на всю жизнь. Уже будучи взрослым, он любил хорошие ружья, пистолеты, разбирал их и чистил, стрелял в цель. Когда Чико исполнилось 10 лет, его отправили учиться в столичный Национальный институт, точнее — гимназию. Мальчик проявлял большие способности к наукам, а уровень преподавания в Такне был невысок.

Вскоре дон Сальвадор с семьей перебрался на жительство в Икике, в то время центр селитряной промышленности на севере Чили. Экономическое положение страны в связи с окончанием войны в Европе ухудшилось. Цены на селитру и другие предметы чилийского экспорта резко понизились. Число безработных выросло до 100 тыс., и

это в стране, где в то время насчитывалось 3,7 млн. человек. Резко обострились классовые конфликты. Забастовки, столкновения рабочих с полицией, применение войск для разгона демонстраций стали повседневным явлением в Чили. Из-за рубежа отовсюду поступали тревожные для помещиков и банкиров известия. В Аргентине, Бразилии, Мексике происходили рабочие и студенческие волнения. В Европе рушились троны, распадались империи. В далекой России народ низверг царя, а затем совершил победоносную социалистическую революцию. Ее приветствовала Социалистическая рабочая партия Чили во главе с Рекабарреном. Страх и неуверенность охватили пелуконы.

В этих условиях на политическую арену выплыл ловкий политический деятель Артуро Алессандри Пальма, активный член либеральной партии, атаковавший олигархию — «позолоченного негодяя», как он ее называл, и обещавший соблюдать демократические свободы, улучшить положение рабочих, отделить церковь от государства. Его кандидатуру в президенты поддержали радикальная и либеральная партии. В поддержку Алессандри высказалась и Социалистическая рабочая партия. Все это обеспечило Алессандри успех, и он был избран президентом.

Отца Чicho издавна связывали дружеские отношения с Алессандри. Приезжая в Сантьяго навестить сына, дон Сальвадор не раз встречался с «Львом из Тарапаки»⁴, как окрестили нового президента его сторонники. Случалось и так, что Алессандри приходил в дом на авениде Эспанья к своему другу адвокату Альенде. Чicho наверняка слышал, как восторженно отзывались об Алессандри взрослые, которым он казался великим реформатором и другом народа. Энтузиазм по отношению к Алессандри несколько поубавился, когда этот «реформатор» стал вместо обещанных реформ расстреливать рабочие демонстрации, как это делали и его предшественники. Охладел к своему кумиру и адвокат Альенде. Во время одной из встреч с Алессандри отец Чicho попытался узнать, думает ли тот осуществить обещанные реформы. Алессандри рассмеялся.

— Ты, Сальвадор, романтик, поэт. Пойми, одно дело — предвыборные обещания, другое дело — править народом из «Ла-Монеды». Это только со стороны кажется, что президент всесилен, всемогущ, способен всех одеть, накормить и напоить. Не тут-то было! Пелуконы — скупердия, эгоисты, мстительны. Попробуй их тронуть, и они быстро выставят тебя из «Ла-Монеды». Ведь это их дом. Недаром он называется «Монедой», а обладатели монеты ты знаешь кто...

В 1922 г. неугомонный дон Сальвадор вновь сменил место работы и жительства. Из Икике он переехал в Вальпараисо, где его назначили начальником государственной нотариальной конторы порта. Это было весьма доходное место, ведь Вальпараисо — крупнейший порт Чили; материальное положение семьи значительно улучшилось. По просьбе отца Чicho оставил Сантьяго и присоединился к семье в Вальпараисо, где продолжал образование в местном лицее.

Вальпараисо близок Чicho, ведь он здесь родился. Он возвращается в родной город — неповторимый, многоязычный, многоэтажный, расположенный на террасах, идущих к морю и соединяющихся подъемниками. Через Вальпараисо, эти морские ворота Чили, на протяжении десятилетий проникали в страну новости из Европы, книги, философские и политические идеи и теории; приезжали артисты, писатели и другие заморские знаменитости; здесь собирались политические изгнанники, преследуемые тиранами в других странах Латинской Америки.

Вальпараисо — одно из «чудес» Нового Света. Знамениты на всем Тихоокеанском побережье его кабачки и бары, зеленые парки, уникальные купальни — морские ежи, огромнейшие омары, похлебка из морских моллюсков, его землетрясения, женщины, уличные певцы, белое искрящееся вино. Великий Пабло Неруда был влюблен в этот город, жил неподалеку от него, воспел его во «Всеобщей песне», которую Сальвадор Альенде считал одним из лучших произведений поэта:

Я люблю тебя, Вальпараисо,
все твое я люблю, невеста океана,
резкий свет среди ночи,
открывающий тебя матросу,
для него ты тогда,

* Город Тарапака — место рождения А. Алессандри.

как цветок апельсина,
в наготе из огня и тумана...
Королева всех побережий,
кораблей и приливов узел,
ты во мне, как луна и как ветер,
что живет в тенистой аллее.
Я люблю твои улицы и закоулки,
острый месяц над твоими холмами,
и люблю я твоих матросов,
разукрашенных синью мая⁵.

Этот город был колыбелью рабочего движения Чили. В нем действовали в те годы не только сильная организация Социалистической рабочей партии, но и революционные профсоюзы Рабочей федерации Чили. В Вальпараисо пустила корни завезенная американскими моряками организация Индустримальных рабочих мира, время от времени бросали бомбы анархисты, фанатичные последователи Иберийской федерации анархистов — ФАИ. В 1922 г. рабочее движение в Чили находилось на подъеме. В начале года IV съезд Социалистической рабочей партии, заседавший в Ранкагуа, по предложению Рекабаррена постановил присоединиться к Коммунистическому Интернационалу и переименовать партию в Коммунистическую партию Чили. Это событие широко обсуждалось в печати, среди рабочих, студентов.

Знакомство с сапожником Хуаном Демарчи, чья мастерская находилась поблизости от дома Альянде, окунуло Чicho в новый для него мир социальных утопий, классовых боев, рабочего движения со всеми его сложностями, нюансами, надеждами и разочарованиями. Демарчи — итальянский эмигрант-анархист, как и все анархисты, считал величайшим злом государство, которое следует разрушить, чтобы человек обрел счастье и свободу. Так как в Чили и в других странах Латинской Америки слово «большевики» переводили как «максималисты», Демарчи считал их своими единомышленниками и с восторгом рассказывал Чicho о достижениях Страны Советов. Вспоминая о Демарчи, Альянде, уже будучи президентом, говорил: «Закончив уроки в лицее, я заходил поговорить с этим анархистом, который оказал глубокое влияние на мое идейное развитие. Хотя ему было больше 60-ти лет, он охотно беседовал со мной. Он научил меня играть в шахматы, он обсуждал со мной разные вопросы, одолживал мне книги»⁶.

Демарчи по сравнению с Чicho был стариком, но в своем собеседнике он видел не только юнца, но и кандидата в будущие борцы, ибо кому, как не молодым, следовало продолжать борьбу за святое дело освобождения человечества от всяческого гнета, которое начали в свое время великие титаны социализма. Так рассуждал старый анархист, заражавший Чicho своей пламенной верой в торжество добра над злом, снабжавший его брошюрами Малатесты, Бакунина, Кропоткина, Лафарга, Рекабаррена, чилийского утописта Франсиско Бильбао, испанского социалиста Пабло Иглесиаса.

В 1924 г. Чicho заканчивает с отличием лицей и становится чемпионом Чили в разряде юношей по десятиборью и плаванию. Чicho с самозабвением отдавался спорту, обожал верховую езду, стрельбу по мишениям. Юноша рос крепким, выносливым, энергичным, жизнерадостным. Но любовь к жизни и ее радостям не превратила его в беззаботного и бездумного повесу, как это случалось со многими сверстниками его круга. Чicho все больше и больше волновала судьба обездоленных, их борьба за социальное освобождение. Он уже понимал, что это проблема «номер один», от решения которой зависит благополучие народа, хотя и не видел еще конкретных путей ее решения.

Между тем на семейном совете согласились, что Чicho посвятит себя врачебной карьере, следуя укоренившейся в семье традиции. Это совпадало и с его собственным желанием. Ведь врач, как подтверждали своей деятельностью его прадедушка и дедушка, может принести много добра нуждающимся и отверженным. А творить добро Чicho уже тогда считал основной целью человеческого существования.

⁵ П. Н е р у д а. Избранные произведения в двух томах, т. II. М., 1958, стр. 277—278. Перевод И. Эренбурга.

⁶ «Punto final», marzo 1971, p. 4.

Согласно чилийскому законодательству, каждый мужчина, достигший 18-летнего возраста, должен пройти военную службу. Чтобы не прерывать затем учебу, Чicho, которому еще не исполнилось 17 лет, поступил добровольцем в армию сразу же после окончания лицея. Военную службу он нес в кирасирском полку, расквартированном в аристократическом курорте Винья-дель-Мар, неподалеку от Вальпараисо⁷. Здесь Чicho столкнулся со слепой, бездушной дисциплиной, привитой прусскими инструкторами.

Еще в конце XIX в. в Чили усилилось влияние германского капитала, резко возросла иммиграция немцев в страну, где они оседали целыми колониями. В 1895 г. правительство пригласило германскую военную миссию, поручив ей реорганизацию и модернизацию чилийской армии. Немцы принялись за дело со свойственной им профессиональной деловитостью. Они внесли в армию «прусский дух». Офицерский корпус, и без того гордившийся одержанной в Тихоокеанской войне победой, стал еще более заносчивым, спесивым и замкнутым. В нем быстро росло число выходцев из Германии, немецкие колонисты считали лучшей карьерой для своих сыновей — военную.

Чicho не мирился с палочкой дисциплиной. Когда однажды его товарища по службе несправедливо наказал вышестоящий офицер, Чicho запротестовал, за что был послан на гауптвахту. Офицеры-профессионалы с подозрением относились к отпрыску семьи Альенде, за которой укоренилась слава бунтовщиков, масонов и радикалов. Однако предъявить к нему какие-либо претензии по отношению к выполняемым им обязанностям они не могли. Чicho безупречно нес строевую службу, отлично управлялся с комом, был отменным стрелком, прекрасно разбирался в военном деле.

В 1925 г., отбыв военную службу, Чicho начинает учиться на медицинском факультете столичного университета и одновременно погружается в политическую деятельность. В Чили, как и в других странах Латинской Америки, студенты по установившейся традиции принимают самое активное участие в политике. В 1918 г. по всем высшим учебным заведениям континента прокатилась волна студенческих выступлений — учащиеся требовали университетской реформы. Студенты добивались признания за ними права на участие в университете правлении, изгнания из университетов профессоров — реакционеров и клерикалов, и других преобразований.

В Чили почти в каждом институте и университете во главе учащихся стояла Студенческая федерация, руководство которой, как правило, выступало с радикально-демократических позиций. За годы пребывания в университете Сальвадор Альенде стал одним из лидеров прогрессивного студенческого движения. Он был признанным вожаком студентов медицинского факультета, избирался президентом студенческого факультетского центра, вице-президентом университетской Студенческой федерации, членом Университетского совета. Он возглавлял левую студенческую организацию «Аванс» («Наступление»), был руководителем одной из студенческих забастовок, за что его исключили на некоторое время из университета.

Чicho принимал самое деятельное участие в организации вечерней общеобразовательной школы для рабочих-активистов и сам преподавал в ней основы социальной медицины. Ко всему прочему он еще и зарабатывал на жизнь и на оплату университетского курса, ибо отец его был не в состоянии нести расходы по образованию всех четырех детей и мог оплатить только образование двух дочерей. Сыновья — как Альфредо, изучавший право, так и Чicho должны были сами добывать себе средства на оплату учения. Чicho, будучи студентом, работал ассистентом на патолого-анатомической и стоматологической кафедрах, затем на скорой помощи и в психиатрическом госпитале. Наряду с политической борьбой и заботами о хлебе насущном, поэзия продолжала занимать видное место в его жизни. Вышедший в 1924 г. сборник стихов «Двадцать поэм любви и одна песня отчаяния» Пабло Неруды на долгие годы стал его настольной книгой.

Студенческие годы играют решающую роль в формировании политических взглядов и убеждений Чicho Альенде. Он неоднократно говорил, что именно в студенческую пору он познакомился с основными трудами К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, читал марксистскую литературу, стал убежденным социалистом и антиимпериалистом, каким он останется до последнего дня своей жизни. Альенде обладал прекрасной па-

⁷ «Programa del Gobierno Popular». Santiago, 1963, p. 4.

мтью, неоднократно поражал своих слушателей, цитируя строфы как классических, так и малоизвестных поэтов, отрывки из различных политических и литературных произведений. Работы марксистских авторов, с которыми он ознакомился в студенческие годы, глубоко врезались в его память. Особенно хорошо он знал «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, «Государство и революция» и «Империализм, как высшая стадия капитализма» В. И. Ленина. Альенде также штудировал в ту пору «Капитал». Эти и другие работы основоположников марксизма-ленинизма читались вслух и обсуждались на собраниях организации «Наступление», причем инициатором коллективного их изучения был Альенде.

В странах Латинской Америки, да и не только в них, часто бывает, что радикализм, проявляемый некоторыми деятелями в студенческие годы, служит стартовой площадкой для политической карьеры буржуазного, а то и реакционного толка. «Зрелый» политик смотрит с иронией и насмешкой на свои юношеские революционные увлечения. «Проза жизни», а точнее — тепленые местечки в крупных компаниях или правительстве, конформизм, страх перед репрессиями или обычное ренегатство толкают таких «радикалов» в лагерь реакции. Иногда случается и так, что профессиональный политик сохраняет свой радикализм до седых волос, но как только дорывается до власти — подобно хамелеону меняет свою политическую окраску и из «красного» становится прислужником, верным псом тех самых черных сил, которые на протяжении десятилетий он разоблачал и клялся изничтожить. Такими в Чили были Артуро Алессандри, из радикального лидера превратившийся, пройдя горнило власти, в отъявленного реакционера; Габриэль Гонсалес Видела, на протяжении многих лет кичившийся своим демократизмом и лютый враг коммунистов с приходом в «Ла-Монеду»; подобную же траекторию слева направо проделали Артуро Фрондиси, президент Аргентины в 50-х годах, и Ромуло Бетанкур, в молодости коммунист, проявивший себя как президент Венесуэлы слугой империализма и гонителем левых.

Но бывали и исключения. Натуры цельные, мужественные, волевые, глубоко убежденные в правоте своих юношеских идеалов, оставались верными им на протяжении всей своей последующей политической деятельности. Они рисковали во имя этих идеалов жизнью, шли на тягчайшие испытания и муки, терпели лишения, не изменяя своим идеалам. Такими были Хосе Карлос Мариатеги, один из основателей компартии Перу, Хулио Антонио Мелья, стоявший у истоков коммунистического движения на Кубе. Все они вышли из студенческого радикального движения, в его рядах они сформировались как революционеры, будучи студентами открыли для себя великие идеи социализма, в них они черпали мужество и вдохновение, борясь за освобождение своих народов против отсталости и империалистического гнета.

Таким же был Сальвадор Альенде. Став в студенческие годы сторонником социалистических идей, он останется им до своего последнего вздоха. Как и у многих политических деятелей, у него будут ошибки, слабости, просчеты, иллюзии, заблуждения. Иногда он будет слишком доверчив, иногда слишком самоуверен, иногда попытается совместить несовместимое. Но в одном он останется неизменен, непреклонен, подобно гранитному утесу: в своей абсолютной преданности народу, его интересам, его нуждам, его надеждам...

12 ДНЕЙ, КОТОРЫЕ ПОТРЯСЛИ РЕСПУБЛИКУ

В сентябре 1924 г. президент Алессандри был свергнут военной хунтой. Через несколько месяцев борьбы различных направлений внутри офицерства он вновь был призван к власти. Конституция 1925 г., принятая по инициативе Алессандри, усилила власть президента. Однако уже в феврале 1927 г. в результате военного переворота власть захватил честолюбивый полковник Карлос Ибаньес дель Кампо, установивший реакционную диктатуру⁸.

Ибаньес, сторонник фашизма, любил, чтобы его называли «Муссолини Нового Света». Одним из первых его актов была реорганизация полиции по итальянскому

⁸ R. de Jouvenel. Panorama de l'Amérique Latine. Paris, 1936, p. 101.

образцу. С этой целью Муссолини прислал в Чили своих «экспертов», создавших корпус карабинеров. Основной задачей его было преследование коммунистов, профсоюзных активистов, подавление забастовок, разгон демонстраций.

Ибаньес развязал в стране террор против прогрессивных деятелей. Компартия была запрещена, ее руководители сосланы на безлюдные острова архипелага Хуан Фернандес и на о-в Пасхи. Вместе с коммунистами подверглись гонениям противники диктатора из буржуазного лагеря. Ибаньес произвел чистку в армии, изгнав из ее рядов демократически настроенных офицеров. Их лидер полковник Мармадуке Грове был близко связан с семьей Альянде: его брат Эдуардо был женат на Инес, сестре Чичо. Дон Марма, как называли в семье полковника, был сторонником реформ и даже считал себя социалистом, хотя и не особенно разбирался в политических теориях. Он часто бывал в доме дона Сальгадора, и Чичо неоднократно оказывался свидетелем политических споров и дискуссий между его отцом и полковником, отличавшимся резкостью суждений и вынашивавшим планы далеко идущих социальных преобразований. И вот приказом Ибаньеса Мармадуке Грове был сослан на о-в Пасхи.

Диктатор не только применял репрессии по отношению к коммунистам и другим демократам. Одновременно, следуя примеру Муссолини, он упражнялся в социальной демагогии, поощряя хозяйственные профсоюзы, провел через конгресс ряд законопроектов о труде. Ибаньесу удалось заручиться поддержкой правых элементов в рабочем движении, которые выступали за ликвидацию компартии, утверждая, что борьба против диктатора бесперспективна.

Режим Ибаньеса знаменовал собой переориентацию правящих кругов Чили с Англии на Соединенные Штаты. Ибаньес содействовал проникновению американского капитала в селитряную промышленность. При нем компания «Анаконда коппер майнинг» захватила контроль над производством меди, трест «Интернэшил телефон энд телеграф» (ИТТ) получил концессию на эксплуатацию телефонно-телеграфных линий, а американская, хоть и с местным названием, «Чилийская электрическая компания» приобрела концессию сроком на 99 лет на распределение электроэнергии.

Проамериканская деятельность Ибаньеса вызывала недовольство тех кругов чилийской буржуазии, которые традиционно ориентировались на Англию. Алессандри и другие буржуазные политики, которых Ибаньес лишил власти, намеревались свергнуть его путем заговора. Они привлекли на свою сторону Мармадуке Грове, бежавшего с о-ва Пасхи и поселившегося в Буэнос-Айресе. В августе 1928 г. Грове, летчик по профессии, перелетел из Аргентины на самолете в Вальпараисо, надеясь поднять местный гарнизон на восстание против диктатора. Однако сразу же после приземления он был схвачен карабинерами и вновь отправлен на о-в Пасхи, где находился вплоть до падения диктатора в 1931 г.

Газеты много шумели по поводу дела о «красном самолете», как окрестили авантюру дона Мармы, самолет которого был окрашен в красный цвет. Печать диктатора обвиняла полковника в том, что он пытался возглавить «коммунистический заговор». Эти события, разумеется, не могли пройти незамеченными мимо Чичо и других членов семьи Альянде, для которых дон Марма был своего рода эталоном мужества и патриотизма. Ссылка его на о-в Пасхи, в то время почти не имевший связи с материком (на остров только раз в год приходило из Вальпараисо небольшое судно) и известный тогда не столько своими каменными истуканами, сколько колонией прокаженных, вызвала к дону Марме волну сочувствия в самых широких кругах чилийцев.

Испытывал к дону Марме сочувствие и Чичо. Его с юных лет привлекали деятельные и мужественные люди. Он сам станет со временем таким, хотя и без внешних атрибутов, якобы всегда сопутствующих энергичным человеческим натурям. Мужество и неуемная энергия будут скрыты в нем под образом близорукого добродушного врача, который скажет потом, что он не сделан из теста мученика, героя или жертвы, но погибнет как герой.

Между тем и без того напряженное положение в Чили еще более обострилось в результате охватившего весь капиталистический мир в 1929 г. экономического кризиса. Диктатор Ибаньес лихорадочно пытался удержать власть, усиливая, с одной стороны, преследования коммунистов, с другой — заигрывая с лидерами буржуазных партий — либералами и радикалами. Однако он уже был не в силах совладать с растущей оппозицией его режиму со стороны широких слоев населения.

Особенно активно выступали против диктатора трудящиеся, требовавшие хлеба и работы. Их поддерживали студенты. В Сантьяго они захватили здание университета, превратив его в центр борьбы с диктатурой. В этих событиях одну из главных ролей играла группа «Наступление», лидером которой был Сальвадор Альенде. Он возглавляет антиправительственную студенческую демонстрацию и выступает на митинге перед зданием медицинского факультета. Карабинеры стреляют в студентов, вырываются в университет, арестовывают студенческих вожаков, в том числе Сальвадора Альенде. В столице и других городах происходят антиправительственные демонстрации. Коммунисты, Рабочая федерация Чили, студенты объявляют на 27 июля 1931 г. генеральную забастовку. Ибаньес вызвал в «Ла-Монеду» лидеров буржуазных партий в надежде договориться с ними на антикоммунистической платформе. Но на его призыв никто не откликнулся. Оказавшись в полной изоляции, диктатор накануне всеобщей забастовки бежит из «Ла-Монеды».

Обстановка в стране продолжает накаляться. Вскоре вспыхивает восстание в военно-морском флоте, вызванное решением правительства снизить жалованье морякам (Чили, в отличие от других латиноамериканских республик, обладала сравнительно большим военно-морским флотом, который тогда состоял из 35 кораблей различного назначения и тоннажа, с общим экипажем около 14 тыс. человек). В Кокимбо, Талькауано, Вальпараисо матросы арестовали офицеров и образовали революционный комитет — Штаб экипажей. Штаб потребовал не только отменить снижение жалованья морякам, но и осуществить аграрную реформу, изгнать из страны иностранные монополии, демократизировать армию. Власти и реакционная печать подняли крик о большевистском мятеже на флоте. 7 сентября, после артиллерийского обстрела мятежных кораблей береговыми батареями и бомбёжки с воздуха, восставшие были вынуждены капитулировать.

Восстание моряков, хотя и было подавлено, свидетельствовало о нарастании революционного кризиса в стране. К сожалению, чилийское рабочее движение было еще слишком слабым. Оно не смогло оказать восставшим морякам существенной поддержки и повести за собой недовольные массы населения. В компартии преобладали сектантские взгляды. Объявленная Рабочей федерацией Чили всеобщая забастовка в поддержку восставших моряков не имела успеха. В студенческом движении также не было единства мнений по вопросу о тактике борьбы с реакцией. В группе «Наступление» возобладали ультралевые элементы. Сальвадор Альенде не разделял их мнений и был исключен из группы за «реформизм», в котором не был повинен.

Все последующие месяцы Сальвадор Альенде по-прежнему принимал активное участие в студенческих выступлениях против правительства правого радикала Монтеро. Кроме того он учился и работал. В 1932 г. он заканчивал медицинский факультет, приходилось готовиться к выпускным экзаменам, писать дипломную работу. Положение его осложнялось еще тем, что отец находился в больнице, он тяжело болел диабетом, мать испытывала денежные затруднения. Чично спешил поскорей закончить учебу, чтобы получить диплом и иметь возможность оказывать помощь семье. В первой половине 1932 г. он сдает последние экзамены, как всегда отлично, и едет в Вальпараисо, поближе к родным. Там ему предстояло пройти ординаторскую практику и написать дипломную работу.

Пожалуй, никогда до этого в Чили не было столь популярно слово «социализм», как в начале 30-х годов. Правительство явно было не в состоянии справиться с бедственным экономическим положением страны, покончить с безработицей, обеспечить пищей и кровом трудящимся. В то же самое время, как далеко ни находилась Чили от Советского Союза и как ни чернила и ни изворачала советскую действительность лживая буржуазная печать, правда о великих переменах в Стране Советов проникала сквозь густую пелену клеветы и в Чили. В Советском Союзе ликвидирована безработица! Там победена нищета. Там нет, там немыслимы экономические кризисы, только успешное экономическое развитие, только движение вперед! Как же русские добились этого? Они свергли буржуазный строй, отдали землю крестьянам, фабрики и заводы превратили в народное достояние, ввели плановую экономику. Их пятилетки — чудо XX века!

Социализм, плановая экономика — вот выход из положения. Так рассуждали многие чилийские студенты и даже политические деятели либерального толка, послед-

ние не столько из симпатии к социализму и Советской власти, сколько из желания нажить политический капитал, исповедуя пользующиеся успехом «модные» теории. Эти мнимые и действительные сторонники социализма с одинаковым энтузиазмом читали не только К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, произведения которых печатались тогда в Испании и широко распространялись в странах Латинской Америки, но и троцкистские сочинения, наводнявшие латиноамериканские страны. Можно легко себе представить, какой сумбур возникнал в головах некоторых из обращенных в социализм после некритического поглощения столь разнообразной литературы, да еще в далеко несовершенных переводах, да еще с желанием «улучшить» ее, интерпретировать на свой вкус, «применительно к чилийским условиям».

Повальное увлечение социализмом, отражавшее глубину охватившего Чили кризиса, нашло свое выражение в появлении различных политических группировок, провозглашавших себя социалистическими: «Новое общественное действие», «Революционное социалистическое действие», «Социалистическая марксистская партия», «Социалистический порядок», «Объединенная социалистическая партия» и им подобные. На внезапное обилие этих социалистических группировок обратил внимание XII Пленум Исполкома Коминтерна: «Несколько времени тому назад в Чили не существовало ни одной социалистической партии, а теперь их там имеется по крайней мере около десятка»⁹.

К одной из вышеназванных партий, «Новое общественное действие», примкнул полковник Мармадуке Грове. После падения диктатуры Ибаньеса Грове возвратился из ссылки с о-ва Пасхи, был принят обратно в армию и назначен командующим военно-воздушной базой Эль-Боске, расположенной около Сантьяго. Он пользовался большой популярностью среди демократически мыслящего офицерства и радикально настроенной мелкой буржуазии. Уже 10 лет как он последовательно выступал с позиций защиты интересов «маленького человека», с позиций друга народа. Теперь Грове открыто провозгласил себя социалистом.

Энергичный полковник стал центром притяжения различных группировок, выступивших против правительства Монтеро. По указанию президента военный министр 3 июня 1932 г. отдал приказ о смешении Грове с поста начальника военной базы. Грове отказался подчиниться и образовал в Эль-Боске революционную хунту, в которую вошли, кроме него самого, отставной генерал А. Пуга, Карлос Давила, бывший при Ибаньесе послом в Вашингтоне, и лидер «Нового общественного действия» Энрике Матте Уртадо. Хунта потребовала от Монтеро уступить ей власть и издала прокламацию с призывом создать «социалистическое правительство». Ее поддержала авиация и армейские части, расквартированные в Сантьяго. Монтеро 4 июня бежал из «Ла-Монеды».

Хунта преобразовалась в правительство, в котором Грове занял пост военного министра. 6 июня новое правительство провозгласило Чили «социалистической республикой», опубликовав программу неотложных экономических мероприятий. Правительство обещало установить контроль над распределением предметов питания, конфисковать необрабатываемые земли и предоставить их малоземельным крестьянам, создать государственную нефтяную, табачную, сахарную и другие монополии, социализировать банки, амнистировать осужденных моряков и других политзаключенных, установить дипломатические отношения с СССР, ввести, наряду с частной, колективную собственность на средства производства и т. д. Хотя в программе творцов «социалистической республики» не упоминалось слово «империализм», он тем не менее недвусмысленно осуждался. Программа отмечала, что экономика страны контролируется иностранными компаниями, извлекающими из эксплуатации природных богатств Чили огромные прибыли. Программа требовала освобождения республики из-под гнета иностранного капитала.

Соответственно этой программе хунта стала декретировать различного рода законы. В частности, один из декретов давал правительству право временно национализировать предприятия, производящие предметы первой необходимости, хозяева которых действовали во вред общественным интересам (останавливали производство, скрывали товары в спекулятивных целях и т. п.). Эти и другие декреты «социалистиче-

⁹ «XII Пленум ИККИ. Стенографический отчет», т. I. M., 1933, стр. 188.

ской республики» не были проведены в жизнь, но они и не были отменены после ее падения. О них просто забыли. 38 лет спустя о них вспомнит и их использует в интересах народа президент Сальвадор Альенде...

Провозглашение Чили «социалистической республикой» и ее программа взбудоражили умы не только в этой стране, но и за рубежом. Всполошились монополисты в Нью-Йорке, Лондоне, Берлине. Местная реакция испугалась. Стали сколачиваться погромные отряды под названием «республиканской милиции»¹⁰. Англия и США отказались признать новое правительство, угрожая ему всякого рода санкциями. Коммунисты, укрепившись в университете, со своей стороны приступили к созданию Революционных советов рабочих и крестьян, не вполне отдавая себе отчет в том, какую роль они призваны играть в сложившейся Ихобстановке. делегация посетила «Ла-Монеду», где в Красном зале была принята Грове и Матте Уртадо.

Коммунисты потребовали от руководителей «социалистической республики» вооружить рабочих и создать мощный союз солдат, рабочих и крестьян. Грове, однако, не решался идти столь далеко. В правительстве обнаружились непреодолимые разногласия. Член хунты Давила, защищавший, как потом обнаружилось, американские интересы, всячески толкал ее вправо. 12 июня Давила был удален из хунты, а 16 июня он возглавил против нее военный мятеж. Ему удалось заручиться поддержкой частей столичного гарнизона, которые заняли авиабазу Эль-Боске и здание военного министерства. Оттуда мятежники атаковали «Ла-Монеду», где им удалось захватить Грове и Матте Уртадо.

Хотя «социалистическая республика» просуществовала всего 12 дней и кроме амнистии морякам и другим политическим заключенным не успела осуществить ни одного своего декрета, сам факт ее провозглашения и ее весьма радикальная программа доказывали, что социализм не такая уж утопия для Чили. При всей своей символичности «социалистическая республика» представляет собой определенный этап в новейшей истории Чили, в истории ее рабочего и национально-освободительного движения. Во всяком случае «социалистическая республика» имела одно важное последствие для будущих социальных битв Чили — она породила социалистическую партию (лидером ее стал Грове), которая отмечала день 4 июня 1932 г. как свой партийный праздник. Именно в этой партии сформировался как политический деятель и как борец за социализм Сальвадор Альенде.

В напряженные дни существования «социалистической республики» Альенде находился в Вальпараисо. Он принял активнейшее участие в мобилизации студенческой массы в поддержку Грове. Когда же его свергли, Чичо стал призывать к борьбе с Давилой и его сообщниками. После избрания президентом Альенде вспоминал: «Во время митинга в юридической школе я, выступая от имени студентов, произнес речь, которая вызвала не только мой арест, но и арест некоторых ближайших родственников, в их числе моего зятя — брата Мармадуке Грове — и моего брата, который не участвовал в политической борьбе. Как известно из этого, мы были связаны тесными семейными узами с Грове. Нас судил военный суд, но мы были оправданы. Тем не менее нас заключили в тюрьму, а дела передали другому военному трибуналу. Началось новое следствие по нашему делу. Отец мой был болен, ему ампутировали ногу, на другой ноге у него появилась гангрена. Положение его было критическим. Мне и брату позволили навестить его. Когда я увидел его, то, как врач, понял, что он умирает. Я мог обменяться с ним только несколькими словами. Он сказал мне и брату, что оставляет нам в наследство незапятнанное имя честного человека, а это больше, чем материальные ценности. На следующий день он умер. На его могиле я поклялся, что посвящу всего себя борьбе за свободу народа, за социальное освобождение страждущих. Думаю, что я остался верен этой клятве»¹¹.

После свержения «социалистической республики» новую хунту возглавил Давила. По его приказу Грове и Матте Уртадо были вновь высланы на о-в Пасхи, компартия объявлена вне закона, по всей стране началась «охота» за коммунистами, социалистами, рабочими, студентами.

¹⁰ Э. Л а ф е р т е. Жизнь коммуниста. Страницы автобиографии. М., 1961, стр. 220.

¹¹ «Punto final», marzo 1971, p. 27.

В течение нескольких месяцев «Ла-Монеду» занимали то гражданские, то военные деятели; каждый из них продолжал «завинчивать гайки», преследуя рабочих и демократических деятелей. Наконец, последнее правительство, сформированное из сторонников Александри, провозгласило амнистию политическим заключенным и назначило на 30 октября 1932 г. выборы президента республики и членов конгресса. Из тюрем вышли коммунисты, сторонники «социалистической республики», профсоюзные активисты. Обрел свободу и Сальвадор Альенде. С о-ва Пасхи пароход привез в Вальпараисо Мармадуке Грове и его соратника Матте Уртадо. Трудящиеся порта восторженно приветствовали их.

В октябрьских выборах участвовало с десяток кандидатов в президенты, среди них: Артуро Александри — изрядно одряхлевший «Лев из Тарацаки»; Мармадуке Грове — от сторонников «социалистической республики»; Элиас Лаферте — ветеран коммунистической партии. Власти явно благоволили Александри. Его поддерживал крупный капитал, иностранные монополии. Буржуазия надеялась, что этот ловкий политик, выступавший под маркой демократа и сторонника реформ, сможет стабилизировать политическое положение в стране, обуздить трудящихся не только с помощью преследований, но и мелких подачек.

26 декабря 1932 г. Александри вселился в «Ла-Монеду» в качестве конституционного президента Чили. Хаотическая политическая жизнь в стране стала постепенно входить в нормальное русло. Второе президентство Александри знаменует начало «мирного» развития Чили. На протяжении 40 лет будут регулярно проходить выборы, один президент будет законно сменять другого.

Почти полвека Чили казалась редким исключением в Латинской Америке, где, как правило, каждый генерал стремился завершить свое «служение родине», завладев президентским дворцом. Что же произошло в эти годы с чилийскими генералами, которые в прошлом столь упорно пытались обосноваться в «Ла-Монеде»? Не переродились ли они? Не превратились ли они действительно в стражей конституции или у них были другие причины, диктовавшие им столь «неестественное» поведение? На эти вопросы читатель найдет ответ несколько позднее.

Пока же отметим, что эти десятилетия конституционного правления дали повод буржуазным деятелям заявлять, что не только чилийская армия является «особым» по сравнению с ее латиноамериканскими «сестрами» законопослушным организмом, но и сама Чили превратилась в республику с «особым», демократическим, мирным путем развития. Однако более пристальное внимание к политическим событиям, происходившим в стране в эти десятилетия, выявит картину значительно более сложную и противоречивую. Сделать это поможет политическая деятельность Сальвадора Альенде, одного из главных действующих лиц «мирного» сорокалетия.

МИНИСТР НАРОДНОГО ФРОНТА

В конце 1932 г. Сальвадор Альенде закончил свою дипломную работу «Психическое здоровье и преступность» и получил диплом врача. Он пытался устроиться ординатором в одну из общедоступных больниц Вальпараисо. Напрасно! Четырежды он участвует в конкурсах на ординаторские должности, но его кандидатура отклоняется, хотя других претендентов на эти должности нет. Причина? Разумеется, политические взгляды молодого врача. Пелуконы, или, как их стали называть, «мумии», с подозрением относятся к внуку «Красного Альенде» и родственнику «красного» полковника Грове.

С большим трудом молодому врачу удается получить работу помощника патолого-анатома в местном морге, где он занимается изнурительной работой — вскрытием трупов. Клиенты морга — в основном бродяги, алкоголики, жертвы несчастных случаев на транспорте, в порту, на производстве. Сцены из повседневной жизни морга не могли не способствовать дальнейшей радикализации молодого врача, уже тогда считавшего себя социалистом. «Я мечтал о профессии детского врача, стал же всего лишь потрошителем трупов», — шутил Альенде. В действительности он превратился со временем в крупнейшего специалиста в области социальных аспектов медицины. В середине 30-х годов Альенде выступил инициатором создания Чилийской медицинской ассоциации, которая со временем объединит всех врачей страны. Он был избран президентом ассоциации, редактировал ее орган «Чилийский медицинский бюлле-

тень», основал и редактировал выходивший в Вальпараисо «Журнал социальной медицины». Работая в Вальпараисо, Альенде написал монографию «Построение национального здравоохранения», а в конце 30-х годов фундаментальный труд «Медицинско-социальная действительность Чили», в котором раскрыл связь между социальными болезнями, жертвами которых являются трудящиеся, и системой эксплуатации и зависимости от иностранного капитала, господствовавшей в стране.

И все же занятия медициной вскоре отошли на второй план. Главным для него становится политическая борьба, деятельность в рядах Социалистической партии Чили, учрежденной 19 апреля 1933 г. Ее лидером выдвигается полковник Мармадуке Грове, генеральным секретарем — бывший руководитель «Революционного социалистического действия» Оскар Шнаке Вергара.

Новая партия провозгласила своей главной целью «установление социалистической республики, в которой власть будет диктатурой организованных трудящихся». В «декларации принципов» партия признала борьбу классов «мотором истории», а марксизм — «методом объяснения действительности». Далее там же говорилось: «Социалистическая доктрина носит интернациональный характер и требует солидарности и координированных действий трудящихся всего мира. Выступая за осуществление этих постулатов, социалистическая партия добивается экономического и политического единства континента, которое должно воплотиться в Федерацию социалистических республик Америки и создание антиимпериалистической экономики»¹².

Одним из учредителей социалистической партии был Сальвадор Альенде. Он возглавил партийную организацию в Вальпараисо. Много лет спустя, уже после избрания на пост президента, отвечая на вопрос журналиста, чем объяснялась необходимость учреждения социалистической партии при наличии компартии, Альенде ответил:

— Действительно, когда мы учреждали социалистическую партию, уже существовала компартия. Тогда, анализируя нашу действительность, мы сочли, что в Чили имелось место и для такой партии, которая, руководствуясь схожей с компартией философской доктриной и признавая в марксизме метод интерпретации истории, была менее ее связана в международном отношении, хотя мы не игнорировали значения пролетарского интернационализма¹³.

Речь идет о том, что многие из социалистов обвиняли тогда КПЧ в том, что она-де не понимает «чилийских условий», «слепо следует за Москвой» и пр. В идеологическом отношении социалистическая партия представляла собой весьма пестрый конгломерат сторонников социализма — от «романтиков» типа Грове и реформистов до ультралевых и троцкистов. Наряду с этими течениями, представители которых неоднократно злобно нападали на коммунистов, в ней с самого начала имелось и сильное унитарное ядро, отстаивавшее необходимость согласованных действий с компартией. Наличие этого ядра предотвратило превращение социалистов Чили в еще одну реформистскую партию типа социал-демократических партий Западной Европы или же, наоборот, в sectu авантюристов. К этому ядру принадлежал и Сальвадор Альенде. Он с самого начала пребывания в социалистической партии проявил себя как стойкий антиимпериалист (одна из его первых политических статей так и была озаглавлена «Антиимпериализм») и сторонник единства действий с коммунистической партией.

По всей вероятности немалую роль в том, что Альенде связал свою жизнь с социалистической партией, сыграла его близость к ее духовному вождю Мармадуке Грове творцу первой в Чили, да и во всей Америке, «социалистической республики». Во всяком случае семейные связи и традиции лежали в основе другого его политического шага, а именно — вступления в масонство, что по всей вероятности произошло тоже в начале 30-х годов. Мы уже писали, что его дед, «Красный Альенде», отец и дядя были масонами. «Масоны провозглашали, что они борются за свободу, равенство и братство,— говорил Альенде в ответ на вопрос журналиста о значении его деятельности в рядах масонства.— Я же, находясь в рядах масонов, выступал с тех позиций, что при капиталистическом строе не может быть равенства, даже надежды на него; что не может

¹² S. Guilisasti Tagle. Partidos políticos chilenos. Santiago, 1964, p. 258.

¹³ «Punto final», marzo 1971, p. 25—26.

быть братства в условиях классовой эксплуатации, что понятие «свобода» конкретно, а не абстрактно»¹⁴.

Альенде пытался толкнуть масонов влево, в лагерь борьбы за конкретные социальные преобразования в интересах трудящихся, социалистов же он стремился убедить бороться единым фронтом с коммунистами за те же идеалы.

Хотя Альенде был одним из основателей социалистической партии, его продвижение на руководящие должности в ней было медленным именно из-за его унитарных позиций. В первые годы существования социалистической партии его не избирали в ее руководящие органы. Только после того, как из партии уходят или изгоняются соглашательские и троцкистские элементы и она твердо становится на путь равноправного сотрудничества с компартией и другими демократическими силами, Альенде выдвигается на первый план, избирается ее лидером. Но даже тогда ему приходится сталкиваться с немалыми трудностями внутри этой партии, где всегда наличествовали различные течения, отражавшие изменчивые настроения представляемых в ней полу-пролетарских прослоек.

Положение в Чили в годы второго президентства Александри (1933—1938) было сложным. Александри стал рупором правых, всемерно способствовал проникновению в страну иностранных, главным образом, американских капиталов, преследовал коммунистов и руководителей классовых профсоюзов. Активно действовала и нацистская партия во главе со своим «фюрером» Хорхе Гонсалесом фон Мареес, возникшая еще в 1932 г. Она вербовала сторонников из чилийцев немецкого происхождения и разного рода деклассированных элементов. Наряду с нацистской партией в 1935 г. возникла в Чили по образу и подобию одноименной испанской группировки — Национальная фаланга. Ее создателями были Эдуардо Фрей Монтальва, Радомиро Томич, Р. Гумусио и другие вожди католического студенчества, примыкавшие ранее к консервативной партии. Правда, после фашистского мятежа в Испании, который вызвал всенародное осуждение в Латинской Америке, в частности в Чили, руководители фаланги стали откращиваться от фашизма и выступать с позиций клерикального реформизма.

Между тем в стране росло забастовочное движение, ширились волнения среди крестьян и сельскохозяйственных рабочих. Александри обрушился с репрессиями против коммунистов и социалистов. Одной из его жертв стал молодой лидер вальпараисских социалистов Сальвадор Альенде. Его арестовали и отправили в ссылку в далекое рыбакское селение Кальдеру, расположенное в 850 км к северу от Сантьяго.

Ссылка впервые сделала Альенде известным в национальном масштабе. Его освобождения требовали Грове, избранный к тому времени в сенат, трудящиеся на митингах по всей стране. В Кальдеру врач Альенде быстро завоевывает доверие и расположение местных жителей. Он оказывает им врачебную помощь, читает лекции, проводит беседы с рыбаками, их семьями. Дон Чичо, как с уважением называют его местные жители, живет в палатке на берегу моря, он всегда в хорошем настроении, с шуткой на устах. Непрочь пригубить стаканчик вина, полакомиться вкусной рыбой, чилиец до мозга костей — «huaso» — и в то же время — страстный проповедник социализма и противник всяких несправедливостей. Только в конце 1935 г. власти разрешают Альенде вернуться в Вальпараисо.

Положение в стране продолжало оставаться тревожным. Реакционные силы не желали сдавать своих позиций без боя. Не лучше обстояли тогда дела и в других государствах Латинской Америки. В Бразилии диктатор Варгас нанес в 1935 г. серьезное поражение прогрессивному Национально-освободительному альянсу и развязал в стране массовый террор. В Аргентине, Перу, Венесуэле, в странах Центральной Америки, на Кубе у власти находились тираны, верные прислужники Уолл-стрита. В капиталистической Европе верх брали фашистские государства, перед которыми заискивала буржуазия так называемых демократических стран.

В 1935 г. VII конгресс Коммунистического Интернационала призвал компартии капиталистических государств перейти к тактике единого рабочего и народного фронта, крепить союз с социалистами, католиками, буржуазными демократами против фашизма и войны, за социальные преобразования. Решения конгресса нашли широкий

¹⁴ Ibid., p. 28.

отклик во многих странах капиталистического мира. Во Франции и Испании левые силы объединились и, одержав решительную победу на выборах, пришли к власти.

Идея Народного фронта нашла поддержку и во многих республиках Латинской Америки, больше всего успеха она имела в Чили, где существовала серьезная угроза фашизма. Было очевидно, что на предстоявших 25 октября 1938 г. выборах президента демократические силы могли рассчитывать одержать победу только при условии сплочения вокруг единого приемлемого для всех кандидата. В Чили имелось изобилие политических группировок, ни одна из которых не могла рассчитывать одержать самостоятельно победу на президентских выборах. Отсюда глубоко укоренившаяся традиция блоков и альянсов, столь характерных для политической жизни республики. Это облегчило создание в марте 1936 г. Народного фронта, в который вошли радикалы, демократы, социалисты и коммунисты. Состоявшийся в апреле 1938 г. конвент левых сил выдвинул кандидатом на пост президента от партий Народного фронта умеренного радикала Педро Агирре Серду. Руководство Народного фронта оказалось в руках национальной буржуазии, что придало в дальнейшем его деятельности умеренно-радикальный характер.

Сальвадор Альенде одним из первых в социалистической партии становится репрессивным сторонником Народного фронта. Организация Народного фронта в Вальпараисо избирает его своим председателем. В марте 1937 г. на дополнительных выборах в палату депутатов социалистическая партия впервые выдвигает его кандидатуру в депутаты от округов Кильота и Вальпараисо. Альенде всего 29 лет, это его первая избирательная кампания. Он энергичен, обаятелен. Прекрасный оратор, обладающий звучным голосом, молодой врач, жертва полицейских преследований Ибаньеса и Александри, он без особого труда одерживает победу и входит в парламент. С тех пор на протяжении свыше 30 лет Альенде будет избираться членом палаты представителей или сената, свыше 20 лет возглавлять сенатскую комиссию по здравоохранению, в 1966 г. становится президентом сената.

На президентских выборах 25 октября 1938 г. кандидат Народного фронта Агирре Серда получил 222 700 голосов, а ставленник правых Росс — 218 690¹⁵, т. е. на 4 тыс. голосов меньше. Народный фронт одержал победу! 25 декабря Педро Агирре Серда под ликиующие возгласы своих сторонников вошел в «Ла-Монеду». Среди тех, кто сопровождал нового президента в его официальную резиденцию, находился и Сальвадор Альенде.

Дон Чично в немалой степени способствовал успеху кандидата Народного фронта. Он был, как называют в Чили ответственных за избирательную кампанию, «генералиссимусом» Народного фронта в Вальпараисо и обеспечил победу Агирре Серды в этом втором по величине городе страны. Авторитет Альенде заметно вырос и внутри социалистической партии, где он проводил последовательную унитарную линию, выступая за укрепление братских уз с компартией. В декабре 1938 г. его избрали заместителем генерального секретаря социалистической партии.

Президент Агирре Серда, по возрасту вдвое старше Альенде, явно симпатизирует молодому социалистическому лидеру. Дону Педро хорошо известна родословная Сальвадора и то, что его дед, «Красный Альенде», отец и дядя были активными членами радикальной партии и масонами, к числу которых принадлежит и сам дон Педро, как, впрочем, и его молодой друг. Альенде часто приглашают в «Ла-Монеду» на совещания по острым вопросам внутренней политики.

Правительство обеспечило демократические свободы, прекратило ставшую уже традиционной в Чили охоту на профсоюзных активистов, коммунистических деятелей, повысило зарплату рабочим и служащим, провело закон о создании Корпорации экономического развития, в задачу которой входило развитие государственного сектора и финансирование промышленного производства. Однако даже эти мероприятия правительства, не затрагивавшие основ капиталистического строя, были встречены в штыки реакцией. Для наступления на правительство Народного фронта «мумии» избрали

¹⁵ Как следует из этих цифр, в голосовании участвовало всего 15% населения. Это объясняется тем, что конституция лишила права голоса неграмотных, женщин, граждан моложе 21 года, а также солдат и унтер-офицеров вооруженных сил. Впоследствии избирательные права были расширены, но и тогда в голосовании принимало участие не более 25% населения.

удачный момент: в Чили произошло одно из самых тяжелых землетрясений в ее истории, разрушившее города Чильян, Консепсион и другие населенные пункты. За несколько минут здесь погибло 25 тыс. жителей, десятки тысяч остались без кровя и средств к существованию. Вообще землетрясения — частое явление в Чили. Не проходит и дня, чтобы в каком-нибудь уголке страны не дрожала земля, не ощущались подземные толчки, не колыхались в домах лампы. О таких пустяках даже не пишут газеты, ибо пока не начинают рушиться дома и в земле не появляются трещины, для чилийцев это не новость, достойная обсуждения и забот.

Трагедия, постигшая Чили, потребовала от правительства Народного фронта мобилизации всех средств для оказания помощи пострадавшим. Именно в это время реакция стала обвинять правительство в безответственности, в неумении справиться с последствиями землетрясения, злобной и лживой пропагандой пытались дискредитировать власть Народного фронта в глазах населения.

Этим воспользовался путчист-профессионал генерал Карлос Ибаньес, он стал готовить заговор с участием генерала Ариосто Эрреры, бывшего при Александри главнокомандующим армией и смешенного правительством Народного фронта с этого поста за ультраправые взгляды. Эррера в свою очередь заручился поддержкой разных армейских и карабинерских чинов. Заговорщикам удалось привлечь на свою сторону и некоторые воинские части. Утром 25 августа 1939 г. артиллерийский полк, расквартированный в казармах «Такна» в Сантьяго, поднял мятеж, призвал армию последовать его примеру и свергнуть «коммунистическое правительство» Агирре Серды.

Узнав о мятеже артиллеристов, в «Ла-Монеду» поспешили руководители партий, входивших в Народный фронт. Одним из первых прибыл в президентский дворец Альянде, находившийся тогда в столице. Когда он вошел в кабинет президента, раздался телефонный звонок. Дон Педро поднял трубку.

— Говорит адъютант генерала Ариосто Эрреры. Армия восстала. Вы обречены. Дон Ариосто предлагает Вам сдаться, покинуть «Ла-Монеду» и явиться на аэродром, откуда вы сможете улететь в любую по вашему выбору латиноамериканскую республику. Дон Ариосто гарантирует вам в таком случае полную неприкословенность.

— Передайте генералу Эррере, — не повышая голоса ответил дон Педро, — что президент республики не подчиняется мятежнику и не собирается бежать из «Ла-Монеды». Я бы посоветовал дону Ариосто, пока не поздно, самому воспользоваться самолетом, приготовленным для меня, и покинуть страну.

Этот ответ президента Сальвадор Альянде запомнил. Став президентом 30 лет спустя и работая в том самом кабинете, где работал Агирре Серда, Альянде неоднократно рассказывал об этом эпизоде своим близким, восторгаясь спокойным мужеством и решительностью старого президента.

— Меня они тоже никогда не захватят врасплох и не заставят вочных туфлях покинуть «Ла-Монеду», бежать на самолете из страны или искать убежища в иностранном посольстве, — таким комментарием обычно заканчивал он свои воспоминания о том, как реагировал дон Педро на ультиматум заговорщиков.

Мятеж «мумий» провалился. В поддержку президента выступили трудящиеся столицы. 50 тыс. рабочих вышли на улицы Сантьяго, полные решимости дать бой реакции. Ибаньес, Эррера и их сообщники очутились за решеткой. Вскоре после этих событий, в конце сентября 1939 г., дон Педро обновил свой кабинет министров. В новое правительство вошли более решительные противники реакции. Пост министра здравоохранения и социального обеспечения в нем занял доктор Сальвадор Альянде.

В то время Альянде исполнился 31 год, и он все еще был холост. Но друзья знали, что женитьба не за горами. Ортенсия Бусси Сото, или просто Тенча для друзей, — так звали избранницу его сердца, красавицу-студентку исторического факультета педагогического института в Сантьяго. С Тенчей он познакомился при весьма необычных обстоятельствах, во время землетрясения 25 января 1939 г. И Тенча и Чичо находились тогда в Сантьяго. Она смотрела фильм с друзьями в одном из столичных кинотеатров. Он в соседнем доме участвовал в масонском собрании. Когда раздались подземные толчки, все выбежали на улицу. Там они и встретились. Сальвадор был знаком с друзьями Тенчи. Они его представили своей спутнице¹⁶.

¹⁶ H. Allende. La mia vita con Salvador.—«Paese Sera», 12.XI.1973, p. 11.

Тенча была дочерью итальянского иммигранта и чилийки. Отец ее был моряком. Родилась она, как и Чичо, в Вальпараисо, участвовала в левом студенческом движении, интересовалась социальными вопросами. Молодые люди подружились. Сальвадор приносил книги, статьи, которые помогали ей лучше разобраться в чилийской политике, в международном положении. Тенча собирала материал для его книги «Медицинско-социальная деятельность Чили», первый экземпляр которой он ей подарит с надписью: «Тенче — помощнице, товарищу и другу с глубокой нежностью»¹⁷.

В конце 1939 г. они поженились. Церемония, разумеется, была гражданской. Отметить события пришли партийные товарищи, близкие друзья, родственники. Но веселиться пришлось без жениха. В этот день состоялись важные дебаты в сенате, на которых должен был присутствовать министр Альенде. Тенча не была в обиде. Она знала, что жена политического деятеля, да еще социалиста и такого преданного своему делу, каким был Сальвадор Альенде, не должна рассчитывать на размеренную, спокойную жизнь. Ее уделом теперь становились его надежды, тревоги и заботы. Но в этом и было настоящее счастье, счастье бороться вместе за дело обездоленных, за социальную справедливость и подлинную свободу.

Да, они действительно были счастливы все 34 года совместной жизни. Она подарила ему трех дочерей — Кармен-Пас, Беатрис-Химену, Марию-Исабель. Старшая стала воспитательницей дошкольников, средняя — врачом и секретарем отца, младшая — социологом, все три — социалистками со студенческой скамьи. Участие в политической борьбе не помешало им увлекаться спортом, музыкой, искусством. Все три вышли рано замуж тоже за активных социалистов. Тенча и Чичо не заметили, как пролетело время и они стали бабушкой и дедушкой. В сентябре 1973 г. у них было пять внуков, ждали шестого...

Сальвадор Альенде пробыл министром здравоохранения около двух лет, вплоть до февраля 1942 г. (уже после смерти президента Агирре Серды в ноябре 1941 г.). Его деятельность на этом посту способствовала росту его авторитета в массах. Всем было известно его живейшее участие в организации материальной и медицинской помощи потерпевшим от землетрясения и в восстановлении разрушенных районов. По его предложению были созданы с этой целью специализированные центры (Дома помощи). Кроме того, он был инициатором целой серии законов — по охране здоровья трудящихся, в частности матери и ребенка, создателем социального страхования в Чили и Национальной службы здоровья. По инициативе Альенде был принят закон, представлявший работницам вспомоществование в пятого месяца беременности. Льготами этого закона пользовались ежегодно около 300 тыс. женщин. Другой закон, связанный с именем Альенде, предусматривал создание сети медицинских учреждений для северных провинций Тарапака и Антофагаста. Стараниями Альенде были созданы советы школьной помощи, которые обеспечивали бесплатными завтраками 1 млн. школьников.

Альенде был также автором многочисленных законодательных проектов, не получивших большинства в парламенте. Эти проекты касались защиты национальных богатств Чили от эксплуатации иностранных монополий, демократизации государственной системы, обеспечения прав рабочих в их борьбе с эксплуататорами, поднятия благосостояния широких масс трудящихся. И хотя буржуазные законодатели, располагавшие, как правило, в парламенте большинством голосов, проваливали эти законопроекты, их обсуждение в парламенте, в печати, в профсоюзах способствовало поднятию уровня сознательности трудящихся, мобилизовывало их на дальнейшую борьбу против местных и иностранных эксплуататоров.

Продолжение следует

¹⁷ «El Siglo», 17.IX.1970, p. 2.